

Ю.Д. Апресян

Я не могу вспомнить, когда я впервые увидела Юрия Дерениковича. Во всяком случае с конца 50-х или начала 60-х годов прошлого века он уже был для меня неотъемлемой частью того сообщества молодых отечественных лингвистов, к которому принадлежали А.А. Зализняк, И.А. Мельчук, А.К. Жолковский, Ю.К. Щеглов, лингвисты, группировавшиеся вокруг В.В. Иванова и занимавшиеся машинным переводом, а позднее – сотрудники сектора структурной типологии Института славяноведения. Увлеченные идеями только что разрешенного структурализма, новой фонологией, лингвистической статистикой, формальными методами, типологией и универсалиями, мы, недавние выпускники филологического факультета МГУ, не могли еще в полной мере оценить того отважного и пионерского пути, который избрал для себя со студенческих лет и на всю жизнь Ю.Д., занявшийся изучением лексической семантики, этой, казалось бы, в высшей степени традиционной области науки, далекой от актуальных тогда идей и подходов. Огромные эвристические возможности этой дисциплины стали ясны гораздо позднее, когда лингвистическая наука «преодолела» структурализм и обрела новые, антропологические подходы к языку, учитывающие не только внутреннюю систему языка, но и отношение языка к миру и к человеку, пользующемуся языком. Некоторые «традиционные» лингвисты, такие как Д.Н. Шмелев, почувствовали значение трудов Ю.Д. раньше нас. Я помню также, с каким вниманием Н.И. Толстой изучал «Лексическую семантику», когда сам делал попытки сравнительного изучения славянской лексики и построения типологических моделей для отдельных лексических групп.

После 1968 года и последовавшего за ним изгнания Ю.Д. из Института русского языка, а И.А. Мельчука из Института языкознания и возникновения научного направления «Смысл – Текст» семантические исследования обрели признание и стали идейной основой того направления, которое сейчас известно как Московская семантическая школа. Большой популярностью пользовались семинары под руководством Ю.Д. сначала в «Информэлектро», а потом в ИППИ, просуществовавшие несколько десятилетий – с начала 80-х годов до самого ковида. Я посещала эти семинары не постоянно, но довольно часто, а потом, уже в новом веке, несколько раз и сама выступала на них с докладами по приглашению Ю.Д. Обычно он сам звонил и спрашивал, не соглашусь ли я рассказать о своих работах. Отказаться было невозможно, несмотря на ощущение своего несоответствия тому уровню, который был задан семинаром. Эти выступления и обсуждения становились важнейшим стимулом к завершению и публикации тех работ, о которых я рассказывала на семинаре. Другим центром притяжения в эти же годы был семинар Н.Д. Арутюновой «Логический анализ языка», докладчики и слушатели которого в основном принадлежали к тому же кругу лиц, что и участники семинара Ю.Д.; нередко на этих семинарах совпадали или были близкими и темы обсуждений.

С начала 80-х годов мое общение с Ю.Д. приобрело более личный характер. Однажды на конференции, проходившей в Институте славяноведения (он тогда находился на Ленинградском проспекте), во время перерыва Н.И. Толстой увел Ю.Д. и меня куда-то под лестницу и завел разговор об организации защиты Юрием Дерениковичем докторской диссертации. Ю.Д. это казалось совершенно нереальным. Но Н.И. предложил все-таки

попробовать. Его «хитрый» замысел состоял в том, чтобы организовать эту защиту не в Москве, где среди академических чиновников Ю.Д. имел соответствующую репутацию, а где-нибудь вне Москвы, куда власть московских чиновников от науки не распространялась, а научный авторитет Ю.Д. был очень высок. Никита Ильич связался со своим коллегой и давним другом Адамом Евгеньевичем Супруном, который заведовал в Минском университете кафедрой славянских языков. А.Е. горячо поддержал эту идею и взялся организовать защиту. Вся подготовка проходила в то время, когда лингвистическая общественность была занята киевским съездом славистов. Несмотря на все существовавшие в то время запреты для так называемых «подписантов», защита Ю.Д. в Минске прошла успешно, что открыло ему возможности дальнейшей академической деятельности. Я помню, что в связи с этой «авантюрой» мы встречались с Ю.Д. и Мариной сначала у нас на Ордынке, а после успешного конца – на Проспекте мира, где праздновалась защита диссертации.

Мне памятли застолья в нашем институте по случаю моих юбилеев, на которые, к моей радости и смущению, приходил Ю.Д. Запомнились еще несколько знаков внимания с его стороны. Однажды он неожиданно появился на моем выступлении в Институте языкознания, другой раз – в Минске, когда я читала доклад на съезде славистов в 2013 г. Для меня было большой честью участие Ю.Д. в посвященных мне юбилейных сборниках «Славянские этюды» (1999), «Об ученом и личном» (2008), «Slavica Svetlanica» (2013). Мне дороги его дарственные надписи на книгах – в одной из своих заметок он рассуждал об этом жанре посвящений и используемой в них лексике. Мне придавали силы его щедрые добрые слова, несмотря на неизменное ощущение их преувеличенности и незаслуженности.

Мы часто встречались с Ю.Д. на заседаниях ученого совета Института русского языка по защитах диссертаций. Однажды после какой-то защиты мы вместе вышли из Института и пошли по Гоголевскому бульвару к Арбатской площади. Ю.Д. говорил о том, как он рад, что наши дети и внуки лучше и умнее нас, рассказывал о своем детстве и своей семье, а потом на Поварской показал дом, где он жил мальчиком, и вспоминал разные эпизоды из своего школьного детства.

Наше научное общение носило опосредованный характер. По его просьбе я писала внутренние рецензии на «Новый объяснительный словарь синонимов», на «Перспектив Активного словаря», на некоторые выпуски «Активного словаря». Ю.Д. всегда письменно благодарил, иногда отвечал на какие-то замечания. А для меня критический анализ этих трудов был важнейшим стимулом для собственных идей и наблюдений.

Телефонные звонки от Ю.Д. всегда были особенно значимы. Однажды он позвонил и сказал, что А.И. Солженицын интересуется нашим словарем «Славянские древности», и что Ю.Д. готов передать ему пять томов этого словаря. Спустя некоторое время Солженицын позвонил мне и поблагодарил за переданные книги. Потом, зимой 2018 года Ю.Д. первый сообщил мне о смерти А.А.Зализняка, а спустя некоторое время, попросил выступить на его семинаре с воспоминаниями о Зализняке.

Всем своим обликом, внимательным и ласковым взглядом, манерой говорить, учтивостью, сдержанностью, отношением к близким, друзьям и коллегам, верностью своим убеждениям и принципам он воплощал благородство и подлинную интеллигентность. Каждый, кто попадал в круг общения Ю.Д., чувствовал себя исключительным объектом его внимания и симпатии. На самом деле это было общее излучение любви и доброты, исходящее от него. При этом Ю.Д. не раз говорил, что верит в существование абсолютного зла, и к носителям и адептам этого зла был нетерпим. Это сочетание непреклонной

твердости нравственной позиции и душевной мягкости в человеческих отношениях было его отличительным свойством.

Светлана Михайловна Толстая — российский лингвист, специалист в области славянской этнолингвистики, доктор филологических наук, профессор, академик РАН, заведующая отделом этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН, глава Московской этнолингвистической школы.